

"TODHUNTER TAKES
UP WHERE [JON]
KRAKAUER LEFT OFF."
— THE WALL STREET
JOURNAL

*Fall of the
Phantom Lord*

Climbing and the Face of Fear

Andrew Todhunter

*Падение
призрачного демона*

Скалолазание и лик страха

Эндрю Тодхантер

1998

* букв. «Падение призрачного повелителя»

Благодарности

Автор выражает сердечную благодарность и признательность всем близким, друзьям и просто хорошим людям за помощь в создании книги.

От переводчиков

Мы благодарим Эндрю Тодхантера и надеемся, что эта книга увидит свет в официальном русском издании.

Часть первая

На рассвете, в свой тридцать второй день рождения, скалолаз Дэн Осман готов побить собственный мировой рекорд свободного падения. Используя только альпинистское снаряжение, включая единственную веревку, страховочную систему, и крепкую базу, он прыгнет с высоты примерно 200 метров с моста в Северной Калифорнии. Мост возвышается над дикой речной долиной. Ясное небо. Сквозь балки моста дует слабый ветер. Дано* тщательно закрепляет базу.

Длинные, темные волосы, покрывающие спину, собраны в «конский хвост». Несмотря на японские и европейские корни, его обычно считают коренным американцем. Самой большой опасностью в прыжках с такой высоты, считает Дано, является запутанность веревки, а не надежность навешенной системы. Сила натяжения веревки на предельной скорости способна оторвать вам конечность. В этом прыжке Дано собирается обернуть себя веревкой для того, чтобы отработать в полете способность освобождаться от нее, на случай если такое случайно произойдет. Он должен размотать веревку и занять безопасное положение, и все это в течение семи секунд перед рывком. Беспрецедентная попытка.

Дано начинает отмерять веревку необходимой длины, чтобы побить свой предыдущий рекорд. Биение сердца становится неуправляемым, и он останавливается. Закрывает глаза. Он пытается глубоко дышать, замедлить ритм сердца, растворить огромную дозу адреналина. Нервные импульсы как иглы пронзают мускулы его тела. Совершая глубокие вдохи, Дано отгоняет свой страх и продолжает отмерять. Он останавливается дважды, каждый раз продолжая дальше после того, как спадет волна напряжения.

Наконец он заканчивает и останавливается. Закрывает глаза и дышит, освобождая свой ум. Через несколько минут он открывает глаза и смотрит на долину. Над головой шумят автомобили. Далеко внизу сидят рыбаки. Он наблюдает за ними. Их слабые голоса доносятся до нас.

Дано снова закрывает глаза и представляет себе всю последовательность своего прыжка. Только после того, как он заканчивает визуализацию все становится ясным. Он проходит через то, что называется моментом выбора. Дано начинает тихо отсчитывать назад начиная с пятнадцати, громко произнося десять и пять. Дыхание повторяет счет. Три, два, один. На выдохе он отталкивается от балки в открытую пропасть. А затем он падает.

* * *

За пятнадцать лет я перепробовал различные виды экстремального спорта. Я занимался серфингом на *Mundaka*, погружался под лед с аквалангом на высокогорных озерах *Sierra*, и в минуты воодушевления я благословляю этот широкий опыт. Хотя обычно, я критикую себя за дилетантство. Особенно хорошо это заметно в моем отношении к восхождениям. Я пересекал ледники Северных Каскадов (*North Cascades*), совершал восхождения в Скалистых горах (*Rockies*) и *Shawangunks*, лазал болдеринг в окрестностях от Фонтенбло до *Joshua Tree*, но мой технический уровень остается весьма посредственным. Рядом с такими людьми как Дано, я даже не альпинист. Как говорит Джефф Малиски (*Geoff Maliska*) я – матрасник.

* Далее по тексту будет использовано имя Дано, т. к. в дружеском контексте книги по фамилии называть не совсем правильно, а по имени – слишком панибратски

В моем сознании Дано представляется Титаном, мифической фигурой. Человек, который вечно борется над пропастью. В его руках заключен темный ангел, Призрачный Демон* - страх смерти. Человек срывается, но и Демон падает вместе с ним. В падении человека находится свое поражение Призрачный Демон.

Несмотря на свои опасности, скалолазание - специальность Дано – не слишком подходит для охотников за адреналином. Это – упорный труд, с одной стороны, и медитация – с другой. Лишний адреналин нарушает концентрацию скалолаза. Но все это ерунда в сравнении с бесспорный фактом риска. Вы можете погибнуть при восхождении из-за единственной ошибки, единственного узла.

* * *

Бухта веревки лежит у подножья гранитного обнажения, известного как Магазин пирогов (*Pie Shop*). Дано, Энтони (*Anthony Meeks*) и я приехали сюда, чтобы полазать вторую половину дня. Скала 60 метров в высоту, окруженная склонами и покрытыми снегом валунами, к юго-западу от озера Тахо. Несмотря на привязанную веревку, Дано лезет соло по 50-метровой стене. То есть он поднимается без страховки, и любой срыв закончится на земле. Он просто протягивает веревку к вершине скалы для использования ее на следующем, более трудном участке. Маршрут называется *Заслужи свои крылья (Earn Your Wings)*, 6а.

В процессе подготовки к трудному соло Дано поднимается по маршруту несколько раз со страховкой, повторяя наиболее трудные участки, до той уверенности, что он сможет выполнить подъем без ошибки. «Затем я начинаю дышать, - объясняет он, - опускаю *ци* в *хара*». В переводе с японского как «жизненная энергия», *ци* – это не абстракция, а материальное явление, столь же важное для воина, как гармония для музыканта. *Хара* (букв. «живот»), область ниже пупа, которая, как считается, является центром и источником физической энергии. Она служит своего рода резервуаром, в котором *ци*, через контроль дыхания, может быть сконцентрирована, и затем направлена в нужное русло.

«Я представляю себе экран, - говорит Дано, - стальной щит, который я удерживаю своим дыханием, чтобы сохранить положительную энергию. Я позволяю страху и отрицательной энергии утекать». Когда он достигает концентрации – этот процесс занимает от пяти до двадцати минут - то готов к восхождению. «Я чувствую давление воздуха, - говорит он, - *ци* становится очень сконцентрированной, очень сильной. И сильнее ощущаю силу тяжести. Когда я прикасаюсь к скале, мои чувства немедленно обостряются. Появляется яркий привкус во рту».

* букв. Призрачный Повелитель

* * *

Несмотря на легкость *Крыльев* для скалолаза его уровня, Дано, кажется, не экономит сил. Его темп нетороплив. На лице – никаких эмоций. Даже на больших, так называемых активных зацепах, расположение его рук и ног безошибочно точно. Не прерывая плавный поток восхождения, кажется, что в каждом своем движении, он готовится поймать змею. Когда он совершает движение – оно окончательно. Нет никаких перешагиваний или нащупываний. Кажется, что он поднимается в энергетическом поле, созданном концентрацией его желания. Завершая прохождение *Крыльев*, Дано продолжает соло по собственному короткому маршруту *Пугающий холод Медина (Funky Cold Medina)*, 6a+, нависающему над 50-метровой пропастью.

Дано проявляет огромную заботу при создании собственных маршрутов, и получает большое удовлетворение от восторженности скалолазов красотой его линий. «Скала нам не противник», - говорит он. Он расценивает каждый маршрут как памятник, не только его создателю, но и скалолазам прошлого, которые с равной смелостью, но менее продвинутым снаряжением пытались покорить маршрут, а также тем, кто смог его пройти.

Многие названия его маршрутов происходят из названий хэви-метал групп или их песен, включая *Chemikill*, *Anesthesia*, *Malice in Chains*, *Overkill* и *Mandatory Suicide*. Эти названия так или иначе удивительны, выпадают из колеи вежливости и учтивости. Как и поведение Дано, с одной стороны, преисполнено традиции, уважения и сдержанности. А с другой - полное игнорирование общественных предрассудков. Как скалолазу, эта двойственность позволила ему зайти далеко вперед. Как ячейке общества, а особенно как водителю – приносит сплошные огорчения. Если Дано - постмодернистский самурай, то он, конечно, *ронин*, или «воин, выброшенный волной», своего рода отступник, рыцарь без хозяина.

Дано лезет соло в три приема. Сегодня он ощущает недостаток психической концентрации, и поднимется со страховкой. Я спрашиваю его, почему он чувствует себя неподготовленным. «Слишком много кофе, - объясняет он. - Я чувствовал некоторую дрожь на *Крыльях*. Я немного устал, к тому же чувствую себя отвлеченно. Это очень тонкая грань, я никогда не заметил бы этого на земле. Но я знаю, что дальше соло лезть нельзя». Он цепляет оттяжку, прощелкивает веревку и опускает кисти в мешок с магнезией...

Мы спускаемся по веревке уже в темноте, под светом фонаря пакуем чемоданы и двигаемся через валуны и снег к его машине. Тойота 1984 года выпуска, 370 000 км на счетчике. Задний бампер украшен изображениями Бивиса и Батхеда в футболках *Metallica* и *AC/DC*. Недалеко от их прыщавых физиономий находится хромированный череп - символ *Grateful Dead*. Пила, комплект инструментов, пара лыжных палок и избитая кассетная дека лежат на спальном полке автомобиля. Мы с глухим стуком бросаем рюкзаки и втискиваемся в это «такси».

Дано живет один в теплой, мрачной студии в двухстах метрах от берега озера Тахо. Кровать, кушетка, стул и стол в основной комнате примыкают друг к другу как части пазла. Вдоль одной стенки стоит стеллаж со снаряжением: кулачковые устройства, клинья, карабины, ледорубы, снегоступы, кошки, красный шлем. Три книги – *Гид по маршрутам*, *Болдеринг на юге*, и *Лисица в носках*. На тисках лежит веревка. К усилителю прислонен красно-желтый рюкзак - опытный образец Дано для *North Face*. В углу два сноуборда. Есть небольшой телевизор, видеомagneтофон и коллекция видео по скалолазанию. Семь или восемь книг стоят на ночном столике. Каждая из них связана с японской историей и

кодексом самурая, включая эпический роман о жизни *Миямото Музэши (Miyamoto Musashi)*, «Сёгун» *Клавелла (Clavell)*, и *Меч Самурая - Руководство*.

Из-под кровати Дано почтительно достает длинный японский меч, *катану*, ее изогнутые ножны обернуты почерневшей акульей кожей. Рукоятка меча из слоновой кости опоясана темно-оранжевой шелковой лентой. Волнообразное лезвие местами покрыто ржавчиной. Меч с более чем 400-летней историей был подарен Дано отцом, который выменял его на дробовик у американского военного.

Как и многие альпинисты, Дано – плотник, заслуживший репутацию перфекциониста. Однако, он постепенно переходит в область профессионального альпинизма, сократив за несколько лет рабочую неделю с 50 до 10 часов. Чтобы этого добиться, он уменьшал свои текущие расходы, и через пять лет ежемесячные затраты снизились с 1200 до 700 долларов. «Я объясняю людям, что выхожу из строительства, - говорит Дано. - Мне не нравится покупать новые инструменты, потому что это значит, что я - все еще плотник, и не могу содержать себя только за счет восхождений». Лишь немногие сильные альпинисты имеют возможность зарабатывать на восхождениях. Даже на таком уровне много не выиграешь: бесплатная обувь, веревки и другое снаряжение, небольшие выплаты от спонсоров, выплаты за фото. Будучи настойчивым горным гидом можно обеспечить приличное проживание, но никто еще не разбогател на восхождениях.

Профессиональная карьера Дано началась с поездки 1990 года в Ущелье Новой Реки (*New River Gorge*) в Западной Вирджинии. После прохождения маршрута со страховкой, повторив дюжину раз сложный участок, он пролез соло 35-метровый *Клуб Оружия (Gun Club)*, 7b+. Это было удивительным поступком - фотографии Дано, были поразительными и закрепили за ним репутацию одного из выдающихся свободных солистов страны. Фото было продано изготовителю скальных туфель. Реклама обеспечила Дано его первый контракт: пять пар обуви в год плюс отчисления за фото в скальниках компании. Последовали и другие контракты.

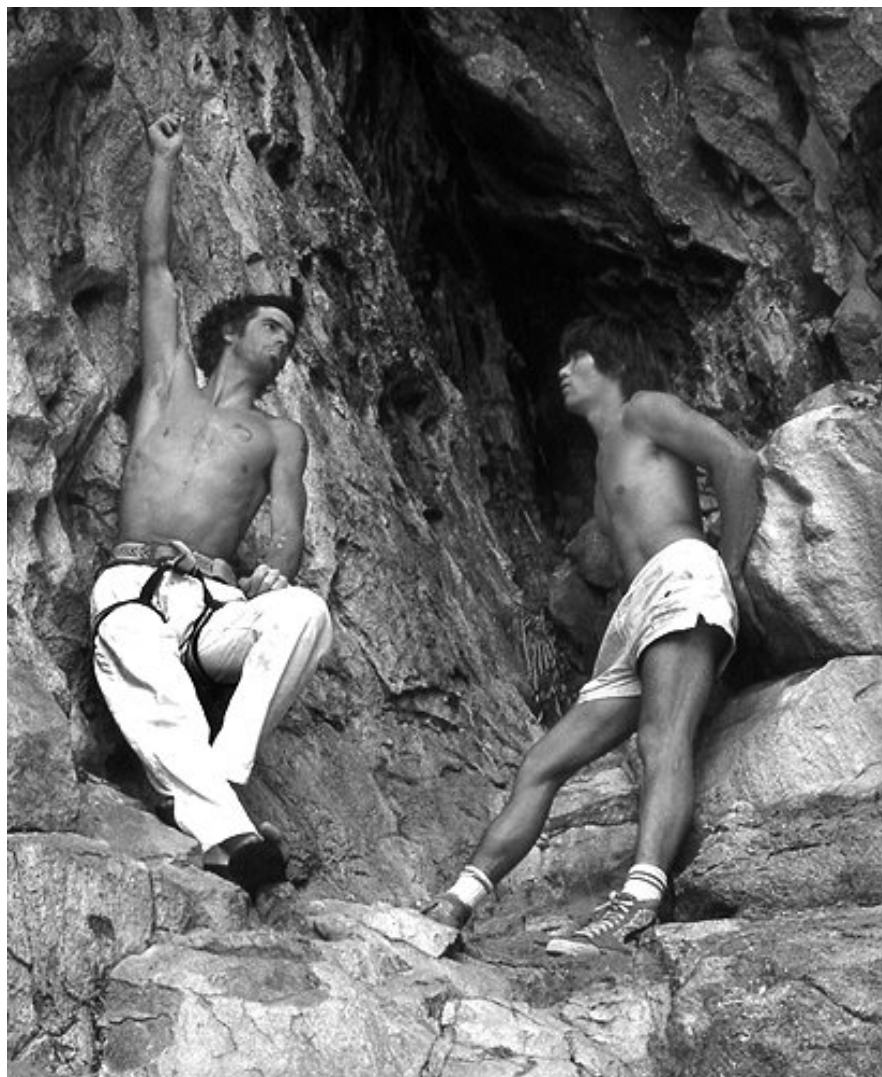
Периодически, Дано обучает и водит альпинистов на Тахо - в хороший день, он может заработать от 300 до 750 долларов. Дано заметил, что, начиная заниматься, женщины обычно добиваются большего успеха чем мужчины, потому что, имея слабые руки, они сосредотачиваются на работе ног. Ведь 75 процентов веса альпиниста распределяется на ноги, по оценке Дано, даже на нависающем рельефе.

Следующим утром Дано и компания появляются из тумана на Пещерной скале (*Cave Rock*). Пол пещеры, когда-то замусоренный презервативами, подгузниками, и зелено-янтарными кусками стекла, оставленными «отдыхающими», теперь стал каменным садом. Дано посвятил более трех сот часов на устройство мест для страховки, тропинок, и ландшафтный дизайн. Результат был встречен некоторой критикой, особенно среди местных скалолазов, которых стали напрягать толпы лазающих, появившихся вслед за усовершенствованиями Дано. Они говорят им жаль, что пещера перестала быть тем же самым старым, грязным местом.

* * *

Дано отрывается от пола пещеры. С деликатностью часовых дел мастера и силой портового грузчика, он лезет вверх по все более нависающему потолку. Это его собственный маршрут, *Призрачный демон (Phantom Lord)*, 8a+. «Когда я тренировался на *Психо обезьяне (Psycho Monkey)*, 8a в 1989, - объясняет Дано, - то до этого никогда не поднимался на 8-ки. Мне потребовалось девять месяцев. В то время, я думал, что это самый сложный маршрут в пещере. Но когда я его закончил, то справа увидел линию *Призрачного демона*, который был явно сложнее. После него, еще правее я увидел уже 8b, и работаю над ним сейчас. Однажды, во время тренировки, я увидел линию *Убийца (Slayer)**». Когда, через год, Дано закончил им заниматься, то оценил его на 8b+. Однако, пролезшие маршрут скалолазы сказали, что «плюс» лучше убрать.

В 1989, пытаясь преодолеть девственное нависание *Призрачного демона*, Дано срывался раз за разом. Он был на страховке, но как и многие скалолазы испытывал страх при каждом срыве. И тогда он решил, что страх кроется не в самом лазании, а в падениях и именно его надо было преодолеть. Он начал падать умышленно, причем каждый раз все с большей высоты. Уверенность и комфорт на скале существенно выросли.

Пол Гроффорд (Paul Grawford) и Дано в главном гроте

* <http://www.mountainproject.com/v/main-cave/106917586>

Дано наблюдает за дайверами, парашютистами и лыжниками при прыжках, чтобы больше узнать об управлении телом в воздухе. Правильное положение тела минимизирует шансы получить травму при продолжительном падении на веревке. При правильном применении, разработанные Дано приемы, конечно, могут предотвратить травмы и даже спасти жизнь. Но есть и потери.

В мае 1994 Бобби Тарвер (*Bobby Tarver*), двадцатипятилетний прыгун на банджи, близкий друг Дано, погиб, повторяя один из его прыжков. Дано не мог сопровождать Бобби, и сначала попытался отговорить его, а затем в точности описал и изобразил схему прыжка. Бобби спешил. «Было видно по его глазам, - говорит Дано. - Он смотрел на бумагу, но не слушал». С группой товарищей Бобби отправился к мосту, который пересекает каньон Юта. При подготовке к прыжку он забыл опробовать веревку, о чем Дано ему однозначно говорил – выполнить серию менее высоких прыжков. Когда он прыгнул, веревка растянулась слишком сильно, и Бобби ударился о стену ниже на 75 метров. Он так и раскачивался по середине каньона, пока друзья не смогли снять его. На некоторое время он пришел в сознание, а три часа спустя умер.

Много раз после этого случая Дано возвращался на тот мост. Три раза, для того, чтобы прыгнуть. Дважды он отступал. Наконец он спустился в каньон, для «разговора с Бобби», как он выразился. Дано прыгнул успешно, и точно согласно плану, который он схематически изобразил для Бобби тем роковым майским утром.

* * *

«Вчера в пещере, - говорит ему Питер (*Peter Millar*), - было удивительно наблюдать, сколько внимания ты уделяешь прыжку. Ты действительно должен быть уверен, что все идет по плану. Ты не самоубийца. И это - самое прекрасное искусство. Если ты собираешься преодолеть опасность, лучший способ состоит в том, чтобы оставаться рациональным».

Дано раскланялся.

«Я видел многих в Андах, - продолжает Питер. - Они просто глупцы. Они не готовы отступить в неподходящих условиях. И наоборот, эта твоя экстремальная репутация - твои соло, прыжки. Но в действительности ты реально думающий человек, просчитывающий все что делаешь. Смотреть на это – сплошное удовольствие».

Дано выглядит смущенным: «Спасибо за признание».

...Дано мчится к пещере, навстречу закату. Расположенная на восточном берегу Тахо, пещера находится в Неваде. Спустя минуту после пересечения границы, Дано догоняет пара местных полицейских. Вместе они поворачивают на автостоянку *7-Eleven*, и начинается проверка водительской лицензии и регистрации.

Он ехал 105 км/ч при разрешенных 70, и срок действия его лицензии закончился. Даже хуже, срок действия был приостановлен за пропущенную явку в суд. Дано арестовывают. С опущенным взглядом, он не произносит ни слова возражения. Я начинаю заступаться за него. Офицер попался мирный, но упорный. «Если бы он явился на суд, - говорит он, - я бы мог его отпустить».

«Мне жаль», - говорит Дано, начинается обыск. Собираясь сначала конфисковать грузовик, офицер разрешает мне забрать его. Патрульная машина исчезает в темноте с Дано.

Энтони, Джефф и я ждем Дано в квартире и смотрим фильмы по скалолазанию. Вскоре в компании Ненси (*Nanci Nelson*) и Леннарда (*Lennard Glogauer*) появляется Дано. Он

выглядит радостным, арест его не волнует. Вероятно потому, что я испытываю такое уважение к Дано как альпинисту, я не берусь судить его за неспособность действовать в условиях бюрократии. Это двойственное отношение, которое хорошо видно на примере слабостей выдающихся художников – развращенность Пикассо, алкоголизм Фолкнера – осуждение или сочувствие, смешанное с определенной степенью восхищения их неспособностью жить обыденной жизнью. Дано будет лазать соло 7-ки, безнаказанно прыгать с мостов, гонять как беззаботный подросток в свои тридцать, и при этом игнорировать штрафные квитанции и суды.

Воспитанный в духе христианских Пятидесятников, Дано не ходит в церковь. Если он молится, что редко бывает, то делает это для благосостояния Эммы. Больше всего он боится потерять свою дочь. «Если бы я сорвался во время соло, то пошел бы вразрез со всем, что я представляю, - говорит он. - Умерев, я подвел бы всех - мою семью, моих друзей. Я не пытаюсь создать свой образ, но я не могу помешать в этом другим. Есть люди, которые равняются на меня, которых я, возможно, даже не знаю. И я не хочу подводить их. Я говорю, что соло - это не стремление к смерти, и затем это происходит. Я слышу в свой адрес: «Эй, ты, похоже, рассказывал нам какое-то дерьмо все это время. Что произошло? Очевидно, это не твой маршрут».

«Моя дочь справится в случае моей смерти, - говорит он, - все будет в порядке».

* * *

В тот день, когда собираюсь прыгнуть, я судорожно просыпаюсь в четыре утра. И вижу, как Тарвер качается на веревке по середине каньона Юта. Перспектива прыжка пугает.

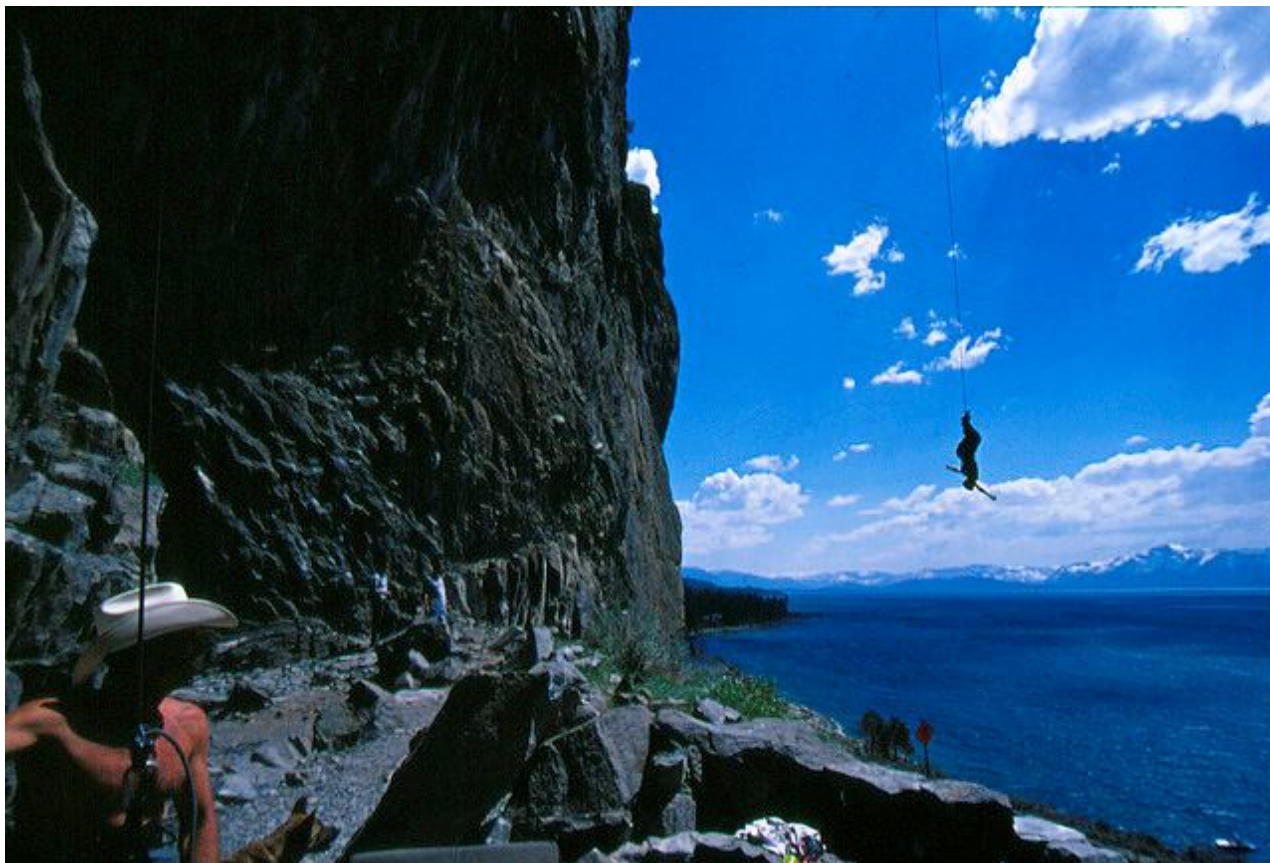
Несколько часов спустя, я стою на краю нависающего утеса Пещерной скалы. Вдалеке, как галапагосские черепахи на берегу озера Тахо, лежат валуны. Выше, на утесе, качает Metallica. В сложившейся ситуации, такая музыка вызывает тревогу. Раньше, я предложил, закрепить вторую веревку, на случай, если первая оборвется. «Это можно, - отвечает Дано, и продолжает с усмешкой, - но в этом нет необходимости». Он был против моего предложения не потому, что осуждал меня в трусости, а для чистоты ритуала. Он знает, что вторая веревка является лишней, и поэтому дух моего прыжка будет испорчен.

На западе висит слой тумана, разделяя пополам возвышающиеся заснеженные пики. Озеро очень широкое, целое внутреннее море.

Дано замечает: «Ты видишь камень, похожий на череп?». Большой валун, лежащий на 30 метров ниже; глаза и рот, выделяющиеся темными участками лишайника. «Это - твоя зона приземления, - говорит он. - Шагаешь и летишь туда. Что бы ты не делал, не выпрыгивай вперед. Не выпрыгивай. Не выпрыгивай. Если ты выпрыгнешь, то рискуешь врезаться в стену».

Я прошу Дано проверить базу. Я женат меньше года.

Здесь, на краю скалы, я встречаю Призрачного Демона.

Пещерная скала, озеро Тахо

Быстро и незаметно, как будто что-то свыше решает за меня, я безвозвратно прохожу момент выбора. В стуках сердца, которые ощущаешь между моментом выбора и действием, страх накапливается, достигает кульминации, и преобразовывается. Желание отказаться трещит по швам и распадается. Мое тело внезапно раскрепощается, становится легким. Спина выпрямляется, взгляд инстинктивно поднимается в небо. Глубокое спокойствие наполняет мое тело. Воздух кажется насыщенным и тяжелым. Я не стал больше доверять снаряжению. Я никоим образом не потерял ощущение, что сейчас могу разбиться на скалах. Просто я стал свободным от собственных страхов.

Я считаю до трех и шагаю вниз.

Чувство падения начинается сразу, без ожидаемого мгновения невесомости. Береговая линия изгибается вверх. Скала размазывается в аморфное пятно. Ускорение превышает все ожидания. Никакое представление прыжка, никакие экстремальные аттракционы не могли подготовить меня к этим ощущениям. Я не падаю, меня буквально вышвырнули из неба. Я вижу череп. Последняя вспышка паники, и я издаю долгий, бесформенный крик.

Свободное падение длится чуть дольше пары секунд. Натягивающаяся веревка уводит меня в сторону, на длинный 60-метровый маятник, параллельно нависающей скале. Я кричу. В небе полно ангелов. Снимаю остаток веревки с плеч, разматываю и бросаю вниз. Она едва достает до поверхности воды. Я спускаюсь вниз, мои руки дрожат. Наконец я выхожу на берег. Дано издает торжественные фанфары с вершины скалы.

Часть вторая

Безоблачным июльским утром в семи с половиной милях к югу от озера Тахо, Дано натирает свой новый грузовик. Сильно загорелый, он расхаживает в шортах и кепке. Чашка кофе дымится на барьерном ограждении. Рядом лежит пачка сигарет и зажигалка. Дано начал курить в прошлом году, и теперь выкуривает до половины пачки в день.

Огненно-красная Тойота 1991 года с пробегом 200 000 км находится в превосходном состоянии. В углу кузова лежит небольшой комплект инструментов. Чистые бамперы - ни Бивисов, ни Батхедов. Внутри - фото дочери - единственная деталь, унаследованная от предыдущего автомобиля. Серебряный череп закреплен на приборной панели; легким движением его шарнирная челюсть открывается.

Дано не спеша полирует машину. Из динамиков играет последний сингл Metallica «Load». Metallica похоже смягчились: некоторые композиции альбома – акустические, меланхоличные - ближе народу чем хэви-метал. Дано купил автомобиль год назад и так ухаживает за ним, что вызывает смешки у Джеффа и других скалолазов: «Ты уже пропылесосил машину сегодня?» Дано только улыбается. Спокойный по натуре, он больше склонен к самонаблюдению.

Из-за работы, я не видел Дано больше года. Сразу после моего прыжка с Пещерной Скалы, я упаковался, сказал до свидания, и в состоянии счастья укатил домой в *Bay Area*. Все это время я маялся душой, если вы меня понимаете. Я чувствовал себя опустошенным, измотанным, надоевшим самому себе. Что-то внутри меня не смогло переварить прыжок. Что-то, что постоянно цепляется, оценивает, считает - робость, жалость к себе, высокомерие, подозрительность, честолюбие, мелочность, оскорбительность. И когда я на мгновение сдался перед прыжком - все это улетучилось как стружья. Затем это добро вернулось ко мне, но на краткий миг я увидел, что значит быть свободным.

* * *

За прошлый год Дано укрепил свое финансовое положение – занялся преподаванием в колледже Сьерра Невада, появились дополнительный контракты со спонсорами. Одним из наиболее значительных событий явилось то, что Дано был принят в команду восходителей North Face, куда входят лучшие альпинисты мира, включая Линн Хилл, Джея Смита, Китти Калхаун, Алекса Лоу, Грега Чилда, и Конрада Анкера (*Lynn Hill, Jay Smith, Kitty Calhoun, Alex Lowe, Greg Child, and Conrad Anker*). В августе 1995 Дано в составе команды отправился в пятинедельную экспедицию на Аксу, Кыргызстан. Экспедиция была успешной - команда установила пять новых маршрутов и повторила два существующих, пройденных русскими.

* * *

Под кухонным окном арендованного Дано одноэтажного дома стоят три ряда анютиных глазок и цинний. Клумба огорожена пластиковым забором. Никки Уоррен (*Nikki Warren*), подруга Дано, зовет его позавтракать. Никки двадцать три года, спортивная и подтянутая, в южно-калифорнийском стиле. Светло-голубые, почти волчьего цвета глаза, длинные волосы достают до пояса. Бегаёт, плавает и катается на сноуборде, лазаёт в течение четырех лет и достигла уровня 6с. Пока Дано ест блины - его тарелка приютилась на краю маленького, загроможденного столика, который является одновременно и рабочим, и обеденным - Никки готовит ему завтрак: соевый сыр и бутерброды с тунцом.

Никки на ногах с пол шестого. Каждый день она просыпается в это время и пробегает около 10 километров или тренируется в спортзале. А по возвращении начинает готовить завтрак для Дано и своей шестилетней дочери Корал. Она учится на медсестру в колледже Саут-Лейк-Тахо. До недавнего времени она работала на трех работах одновременно. Дано признается, что не успевает за ней. Несмотря на свой миниатюрный голос и бесконечный оптимизм, Никки очень практична, и ее влияние весьма заметно.

В конце августа команда North Face собирается на восхождение в Гималаи, чтобы попытаться взойти на пик Талай Сагар (6904 м). Дано должен решить, присоединится ли он к двухмесячной экспедиции - это редкая возможность - и пожертвовать работой и домашними заботами. Кроме дочери Эммы, у Дано теперь есть новая семья и новая машина. Он чувствует, что финансовое положение не очень. MTV хочет заключить контракт на съемки в сентябре. У Дано есть планы поучаствовать оператором в предстоящей работе для местного продюсера. Периодически он продолжает работать плотником. Есть и другие факторы, которые необходимо взвесить. Дано не привыкший к холодным высотным восхождениям, и сомневается стоит ли рисковать, учитывая его опыт. Он также знает, что Никки была бы более счастливой, если бы он остался дома. И даже просил ее запретить ему поездку, освободив его от принятия решения. Но она этого не делает, и Дано размышляет уже несколько недель.

У Корал есть способности к скалолазанию, и в шесть лет у нее в активе несколько ба. Вегетарианка, как и ее мать, она предпочитает сою коровьему молоку. После меда и блинов с арахисовым маслом, она катается колесом по гостинной.

Стол Дано внутри маленького алькова, заставленный кухонный прилавок, дальше открывается вид на гостиную с деревянными стропилами. Маленькое кресло *La-Z-Boy*. Вдоль ближней стены, за раздвижной стеклянной дверью на веранду, лежит в рассеянном хаосе снаряжение. Три больших рюкзака, коробка гимнастического мела, рулоны спортивной ленты, пол дюжины пар скальников, скальный молоток, бинокля, стойка карабинов, стопперы, кулачковые устройства, и мешки, набитые страховочными системами, петлями и веревками. Разложенное оборудование занимает три квадратных метра. Напротив стоит чучело трехцветного попугая, банка с жевательным табаком, висит полотенце для рук. В углу, около кирпичного камина, на табурете стоит CD-плеер. На полке преобладают *Metallica, Pantera, Nirvana, Sepultura, Megadeth, White Zombie, Queensryche* и *Alice in Chains*. Коллекцию разбавляют *Enigma* и *Van Morrison*. Между кирпичами камина вбиты четыре крюка с карабинами. На каминной плите - фото Дано, Никки, и их дочерей, многие из них сняты на маршрутах.

После завтрака Дано начал пересказывать историю своей первой лавины. С Конрадом Анкером и Линн Хилл, он спускался по 50-градусному склону Аксу. Шли без веревки. Дано шел впереди, ниже всех, потом Конрад, и Линн. Это случилось после трех часов, когда дневное солнце растопило снег и лед. Внезапно, масса клубящегося снега понеслась вниз. Несмотря на свои экстраординарные способности на скале, у Линн, как и Дано, был небольшой опыт высотных восхождений. Конрад в этом плане тренировался много лет - быстро воткнул кошки, зарубил оба инструмента и прижался к склону. Дано повторял за ним. Линн застыла на месте, повернула голову назад, и наблюдала как приближается лавина. Спустя мгновение ее сдуло. В ужасе Дано наблюдал, как, кувыркая, ее пронесло мимо.

Линн боролась, чтобы остаться на поверхности, "плыла", разгребая снег инструментами. Когда лавина наконец остановилась, Линн стояла вкопанная по пояс, невредимая, на 60 метров ниже товарищей.

* * *

Возвращаясь на переполненную стоянку Изумрудного залива (*Emerald Bay*), Дано находит предупреждение на ветровом стекле. Впятером на двух машинах мы направляемся к Джеффу домой, в Саут-Лейк-Тахо. Дано ведет осторожно, одним глазом - на зеркало заднего вида. С тех пор, как купил автомобиль, он успел заработать шесть талонов о превышении скорости - водительская лицензия приостановлена. Если его по какой-либо причине остановят, то ему грозит арест. Могу ли я его критиковать? Будучи подростком я разбил автомобиль, несколько других ударил, и потерял тысячи долларов за превышение скорости, при этом считая себя хорошим водителем (благодаря опрометчивому комплименту гонщика - отца моего друга). Однако, мне непонятно, как Дано, тридцатитрехлетний отец, продолжает ездить в такой манере. И дело не в возможной физической опасности (для солиста, прыгающего с мостов - это не первоочередная задача) - чисто финансовые проблемы от такой привычки огромны. Чтобы уберечь Дано от очередного ареста на моих глазах, я предлагаю сесть за руль на выходные. Он вежливо отказывается.

Машины подъезжают к дому, из них высыпаются скалолазы и собаки. Джефф кидает свой рюкзак в открытый гараж. Внутреннее пространство завалено спортивным оборудованием, электроприборами, и досками. Поздний день, все еще жарко, и скалолазы располагаются возле машин. Едва начавшаяся беседа быстро заканчивается. Тянутся минуты. Делать нечего. Собаки валяются в пыли. Время замедляется и, кажется, останавливается.

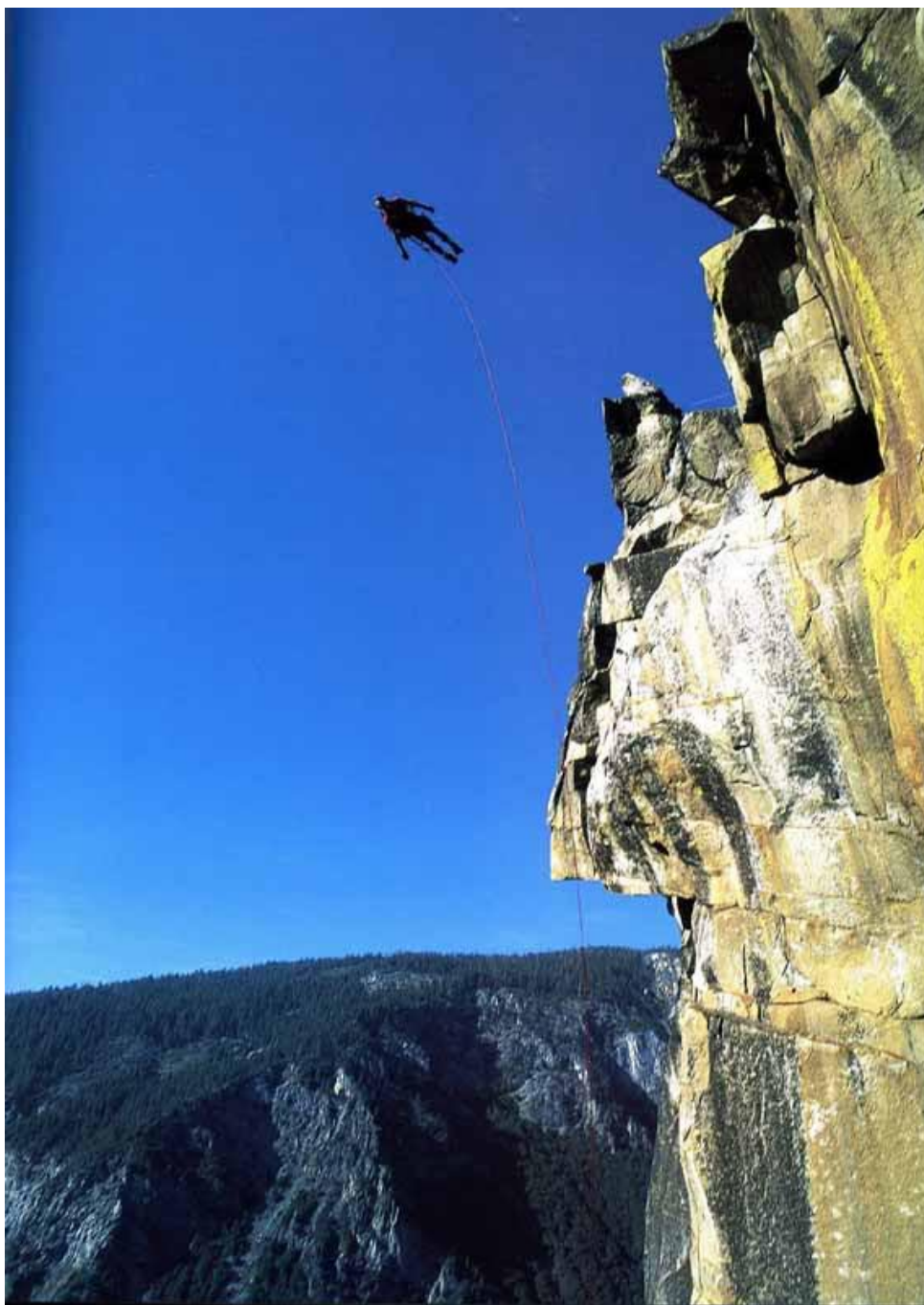
* * *

Вечером Дано сидит на ковре перед телевизором и оценивает высоту прыжков в записи. Я уже видел подобные прыжки в компании Дано, и бывают времена, когда они приводят меня в восторг. Но не сегодня. Есть профессионалы и добровольцы, которые сознательно, постоянно рискуют жизнью по долгу службы - и весьма часто теряют их. У многих из них есть семьи и близкие, которые нуждаются в поддержке. Наблюдая прыжки с моста, я впервые поражен их бессмысленностью, несоизмеримым риском. Я чувствую смутное неприятие, вызванное криками восхищения за кадром, энтузиазмом Дано в каждой попытке. На одном крупном плане - колоритная, кувыркающаяся фигура Дано пересекается с собственной тенью на земле, резко падая настолько близко к земле, что он цепляет ветки деревьев. Дано расцвел. «Ты видел?», - кричит он, запуская снова и снова на пленке момент касания. Какая-то часть меня хочет встряхнуть его и закричать: «Очнись! У тебя есть дочь, парень!» Другая часть - просто хочет уйти, сесть в машину и укатить подальше. «Сумасшедшие, - думаю я, - идиоты». Я пытаюсь вспомнить почему я прыгнул с Пещерной Скалы, эмоции безупречной ясности, которые я пережил, но я не могу. И я спрашиваю себя: «Что произошло? Почему я начал бояться?»

Есть видео BASE прыжков - парашютистов, которые прыгают с неподвижных, наземных объектов, и прыжки на банджи. Реально ребята оторвались в день, когда экстремалы всех мастей собрались на оргии *Daredeviltry* (*Смелая чертовщина*). Прыжок следует за прыжком,

любые варианты исполнения: сальто, пируэты, боковые вращения. Женщины тоже не отстают: Никки, Стефани и их сестра Эми - подруга Джеффа - все прыгают на веревке с высоты 140 метров. За прошлый год, вместе с Дано, Никки совершила десятки прыжков с разных скал и мостов.

Наблюдая за ними, я понимаю, что эти люди живут, осознавая быстротечность жизни и не позволяя воздействовать страху. Не было ни одной серьезной травмы, не считая гибели Бобби Тарвера. Но, если и когда один из элементов этой системы подведет - а такую возможность никто не будет отрицать - кто окажется на конце веревки? Чего будет стоить тогда все это? А если так, то что стоят эти прыжки сегодня?

Уже было несколько неудач. Касание верхушки дерева было впечатляющим, но неумышленным. Растянишь веревка еще на полтора метра - почти ничего для веревки, которая растягивается на 200 – и верная смерть. В другом случае, проблема со страховочной системой привела к сильному ушибу ребер и чуть не отправила его в нокаут. Такой рывок может повредить спину или разорвать внутренние органы. И несмотря на большую осторожность, человеческая ошибка продолжает играть не последнюю роль.

Несмотря на доверие Дано, я спрашиваю Никки, насколько значимыми считает она эти риски.

«В определенной степени, - отвечает она. - Особенно в первый раз. Даже после того, как совершишь много прыжков, ты каждый раз думаешь, что это большой риск и есть серьезные шансы остаться здесь навсегда. Есть миллионы вещей, которые могут пойти не так, как надо. И ты это знаешь. Я спрашиваю себя: «Ты готова выйти за свои пределы? Или останешься там, где тебе удобно?» Правильно ли это - перешагнуть немного свои возможности туда, где нас ожидает опасность? Я говорю «да» и принимаю вызов. Совершая экстремальные поступки, ты принимаешь вызовы.

Иногда я думаю: «Может я эгоистка? Может я пренебрегаю материнством?» Но я так не думаю, потому что во всех наших поступках мы постоянно рискуем. Мы не можем мешать себе заниматься делами только потому, что что-то может пойти не так. Все что угодно в жизни может плохо закончиться. И даже при том, что это экстрим, и шансов погибнуть больше, мы должны решить сердцем: «Я собираюсь прыгнуть, потому что я доверяю снаряжению, и доверяю Дано, и если что-то пойдет не так – значит это судьба». Точно так же, как и в любом другом деле.

Пока ты находишься на мосту, ты думаешь о вечном: жизнь и смерть, стоит того или нет? Как только ты прыгаешь, твой дух воспаряет. Никаких колебаний. Ты избавляешься от того чувства, которое следит за тобой каждый день, этого нудного голоса, который тебя сдерживает. Даже когда ты просто бежишь – он советует: «Не беги слишком быстро - ты можешь упасть. Не выкладывайся слишком сильно». На мосту, внутри тебя борются двое. Каждый готов действовать: один – прыгнуть, другой – убежать. А затем происходит прорыв. Позволяя себе прыгнуть ты избавляешься от двойственности. Вдруг ты свободен. Ты летишь. А возвращаясь понимаешь: «Я победил свою трусость. Да, я могу. Я могу сделать что-то в жизни».

Дано, со своей стороны, утверждает, что автомобили намного более опасны. Это - классический и часто ошибочный аргумент тех, кто постоянно на грани. В данном случае нет достаточно данных для сравнения. На мой взгляд автомобильное движение, в переводе на душу населения в час, приводит к меньшему количеству несчастных случаев. Последствия отказа в системе с веревкой являются катастрофическими. И как показывает смерть Бобби, достаточно лишь небольшой человеческой ошибки.

Логика Дано может и неубедительна, но его с Никки энтузиазму невозможно сопротивляться. Позже, вечером, он пытается меня реанимировать. Начиная с моего первого прыжка, я боролся с искушением прыгнуть с моста. Я никогда не прыгал с парашютом, возможно из-за боязни самолетов, и не прыгал на банджи, но прыжок со скалы был стоящим жизненным опытом. Снова я ловлю себя на мысли: «150 метров высоты». Если Дано не возражает, я присоединюсь к ним в следующую поездку, и уже там буду решать прыгать, или нет.

* * *

На следующее утро после Изумрудного залива, Никки встает в 5:30 и уходит на десяти километровую пробежку. Еще полусонный в девять тридцать, Дано, нянчится с кружкой кофе. Корал ест сырую капусту и делает стойки на руках. Звонит директор MTV, чтобы обсудить съемки прыжков.

Дано и Джефф запланировали «день Эль Кэп» на скале Прыжок любви (*Lovers' Leap*), в тридцати километрах к югу от озера Тахо. Это гранитная стена, протяженностью два километра и высотой от 110 до 200 метров. Легенда гласит, что скала названа в честь двух любовников, которые прыгнули с вершины, узнав что не могут пожениться. День Эль Кэп – это значит около километра вертикальных стен – двадцать подъемов по 50-метровой стене за день. Идея берет свое название от скалы Эль Капитан в Йосемитской долине, самой высокой стены в Северной Америке. Самый длинный маршрут *Нос*: более 900 метров, тридцать пять веревок, обычно на восхождение уходит три дня.

Джефф появляется в час тридцать, паркуя машину на улице. Он оставляет обе двери открытым - от туда качает хэви-метал. После получасового обсуждения Джефф решает, что уже слишком поздно для таких подвигов и отбывает. Его ждет куча домашней работы.

Вместо этого мы с Дано присоединяемся к Корал, Никки и ее матери Синтии на пикник, туда же. Синтия недавно поднялась на *Змеиную преграду (Snake's Dike)*, 5b. Дано провешивает первую веревку на *Фантазии (Fantasia)*, 5c. Выясняется, что Корал выросла за месяц из своих скальников, и маршрут она лезет босиком. Мы с Дано идем дальше вдоль скал. В начале *Восточной Трещины (East Crack)*, 5c, мы сталкиваемся со знакомым Дано, страхующим партнера наверху. Он сильно расстроен: только что из палатки украли его рюкзак со всем снаряжением на сотни, может тысячи долларов. Кроме того, он совершенно неожиданно стал отцом и теперь ему предъявляют иск на пособие ребенку. Я спрашиваю, можно ли спасти их отношения.

«Спасти?» - он поднимает голос. - Нет никаких отношений. Я звонил ей на днях, и знаешь, что она мне сказала: «Ты потрясающее дерьмо, твою мать». Так и сказала. Тут ничего спасать. Она разрушает мою жизнь». Он поднимает взгляд на партнера – тот становится на страховку на выступе. «Я ненавижу эту страну», - говорит он наконец.

Мыдвигаемся к маршруту *Достижение медведя (Bear's Reach)*, 5b, пройденному в 1956 одним из первых на этих скалах. Маршрут считается классическим, и несмотря на его скромную трудность, остается одним из любимых Дано. Есть тут, конечно, и много других - *Популярная бутылка, Препарат II, Свиньи на Крыле, Любовники, Внебрачный ребенок, Демон, Эпитафия и Последний бутерброд (Pop Bottle, Preparation II, Pigs on the Wing, Paramour, Bastard Child, Incubus, Epitaph, and The Last Sandwich)*.

Дано часто приезжает сюда один и наворачивает круги – лазает соло по нескольким маршрутами с максимальной скоростью (примерно семь - девять штук в течение дня Эль Кэп). Маршруты, от 5а до 7а, включают от трех до пяти веревок. Заканчивая маршрут, он бежит вокруг скал, возвращается к основанию и начинает следующий без перерыва. Иногда он поднимается по одному маршруту несколько раз, пытаясь улучшить время прохождения.

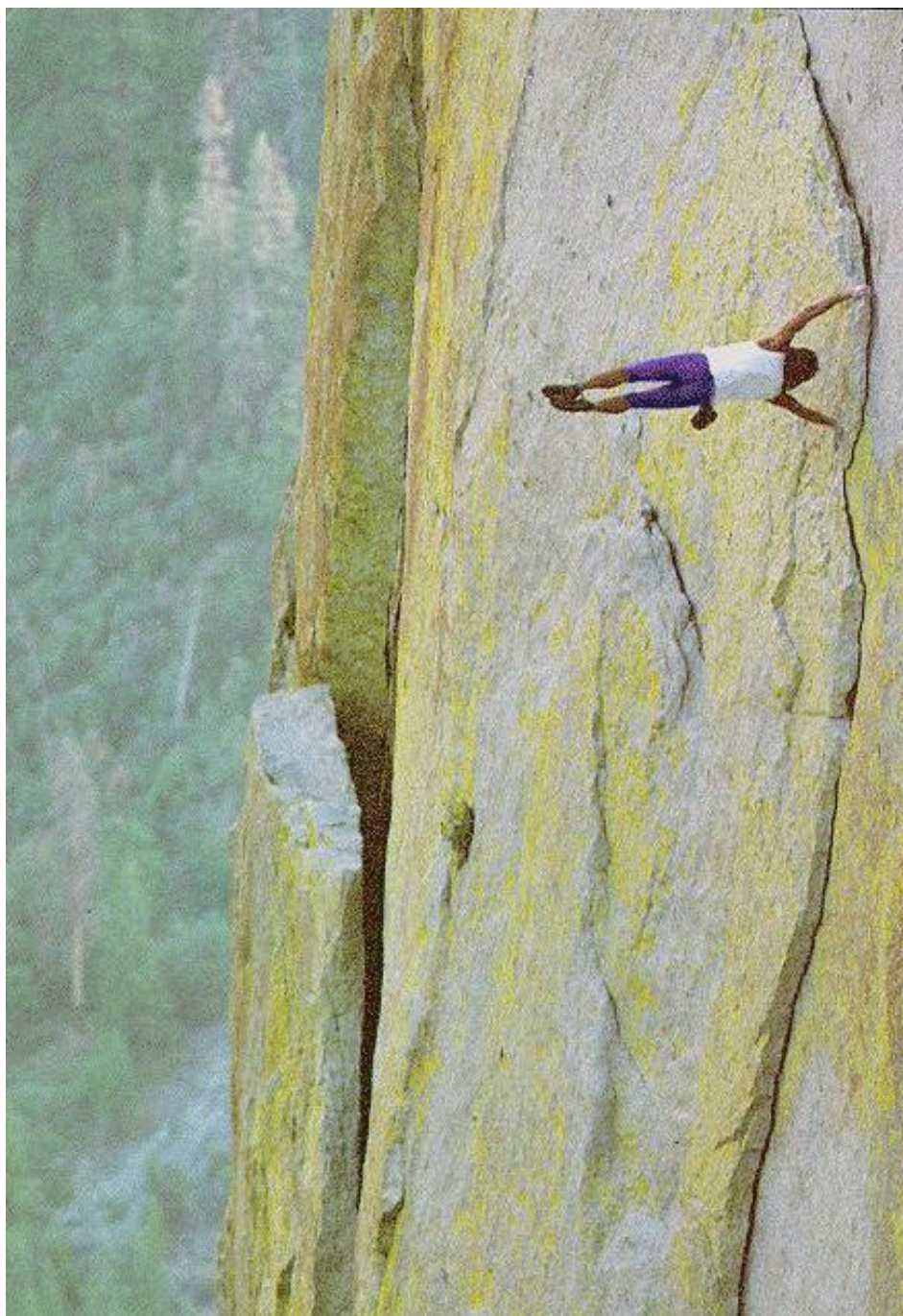
Чтобы подняться на *Достижение медведя* - три веревки, 110 метров – скалолазам обычно требуется около двух часов. Большая часть времени, конечно, уходит на обеспечение страховки. Самое быстрое время Дано 5:32, а «начинал» он с 7:16. Тем не менее, он продолжает сокращать секунды и считает, что в конечном счете поднимется менее чем за пять минут*.

* В фильме «*Masters of Stone IV*» его время составляет 4:25

<http://www.youtube.com/watch?v=8e0yXMa708Y>

* * *

На следующий день мы едем к Джеффу. В своей студии он обрезает кусок поролоновой трубки, чтобы приспособить к гри-гри (страховочное устройство). Когда он прыгает с верхушки дерева на заднем дворе, то гри-гри с завидной постоянностью бьет его в лицо и пах. В квартире все усыпано снаряжением. Над кроватью висит плакат Дано: спиной к камере, он висит перпендикулярно к скале. Руки прямые и широко расставлены. Тело находится параллельно земле. Без страховки, высоко над землей. Это вызов нам. Вдоль правого края надпись: «Реальность является виртуальной». Внизу плаката: «Не позволяй страхам стоять на пути своих мечтаний».

В дальнем углу участка между вершинами двух сосен, находится трамплин для прыжков, сделанный из доски, и страхующая система из веревок. Трамплин мягко колеблется на ветру на высоте 30 метров. Джефф установил доску в нормальное положение прямо перед нашим приездом, и мы станем свидетелями его первого прыжка. До этого Джефф, Дано и другие совершали прыжки непосредственно с дерева.

Наверху, под ясным небом, Дано мягко подпрыгивает на трамплине, ловя руками равновесие. Джефф смотрит в изумлении: «Он выглядит таким радостным». Это точно. Дано пикирует, сложившись пополам и обхватив ноги руками, обжигает руку на рывке, и проносится в трех метрах от соседского забора.

Перед вторым прыжком, где он собирается прыгнуть колесом, Дано спокойно стоит по середине трамплина. Он мягко качается, разглядывая землю. Проходят минуты. Немного расстроенный - возможно, ожогом - Дано останавливается... Улыбается натянуто. «Эта доска сломала меня», - кричит он, качая головой. Наконец, он подходит к краю и становится боком. Глубоко дышит, затем прыгает, совершая два с половиной оборота.

* * *

Позже я спрашиваю Дано, как влияют его постоянные риски на отношения с близкими.

«Я чувствую себя более счастливым рядом с ними, - говорит он. – И я чувствую себя более ценным в их глазах, потому что они знают, что я делаю. Они ценят мое живое отношение к жизни».

«Если ты перестанешь заниматься этими опасными вещами, ты думаешь они будут меньше о тебе заботиться?»

«Я так не думаю, но уверен, что потерял бы некоторое уважение. Я потерял бы чувство собственного достоинства, и затем, они станут меньше уважать меня. Вы не можете с уважением относиться к людям, которые не уважают себя».

«Твой отец должно быть рад, что ты, своего рода, самурай в современном мире».

«Так и есть, - говорит Дано, улыбаясь. - И я отдаю долг своим предкам, своей родословной. Но я думаю, что это, в некотором роде, оправдание для отца. «Он не просто сумасшедший ребенок, - скажет он. – Это течет в жилах кровь самурая».

«В детстве твой отец подчеркивал важность борьбы с собственными страхами?»

«О да. Преодоление страхов - это было негласным правилом».

«Как ты можешь описать разницу между тем, что ты чувствуешь в семье, и когда ты прыгаешь или лезешь соло?»

«Когда я занимаюсь тем, чем занимаюсь, то начинаю чувствовать, что иду по краю собственной жизни. По лезвию. И это все, что действительно имеет значение. Я не отвлекаюсь на мелочи. Я не подвожу итогов. В этот момент я чувствую освобождение, чистую квинтэссенцию жизни».

«А семья? Твоя дочь, например. Ты себя ощущаешь по-другому?»

«Фактически, я чувствую некоторую вину. Я чувствую, что ей нужно гораздо больше, чем у нее есть сегодня. Она заслуживает много больше, а я не могу этого дать. Так что есть сильное двойственное чувство, которое действительно заставляет меня беспокоиться... Ты знаешь, я никогда не понимал этого, но я чувствую беспокойство - приступы беспокойства. Скажи, у тебя бывает такое чувство, когда ты ничего не делаешь, но внутри куда-то мчишься? И ты думаешь: «Я мог быть там, прямо сейчас. Я мог там заниматься *этим*». Понимаешь? Внутри, ты попадаешься на крючок. И эти приступы появляются в основном в

семейной обстановке, когда я провожу время с Эммой. Даже при том, что я получаю огромное удовольствие. И это время, которое я ценю больше всего».

«Как ты думаешь, ты смог бы получать удовлетворение от жизни, в которой есть финансовое благополучие и уважение со стороны общества, но без риска?»

Он размышляет некоторое время. «Я так не думаю», - говорит он наконец.

«Таким образом, ты думаешь, что постоянный риск – это существенное и неотъемлемое качество твоей жизни?»

«Я думаю да...», - смеется он, качая головой.

«О, Боже, - говорит он. - А ты молодец, твою мать». На его глазах наворачиваются слезы. «Раскатал меня, - продолжает он смеяться. - Вот дерьмо... Похоже я начинаю говорить о вещах, которые никогда раньше не допускал».

«Ты ощущаешь, что если прекратишь рисковать жизнью, то люди будут чувствовать, что ты не живешь своей полноценной жизнью?»

«Точно, я буду это чувствовать».

«Ты думаешь, что есть люди, для которых полноценная жизнь никогда не соотносится с сознательным жизненным риском?»

«О да. Абсолютно».

«Только не для тебя».

«Только не для меня... И я сильно восхищаюсь этим качеством у тех людей, которые достаточно обеспечены, чтобы быть в состоянии сказать: «Я туда не поеду. Все хорошо прямо здесь и сейчас».

«Ты считаешь это обеспеченностью?»

«Да. Им и так хорошо. Они ничего не должны себе доказывать. Для меня же - это большая часть внутренней работы».

«Что ты пытаешься доказать?»

«То, что я могу перешагнуть свои страхи и принять правильное решение».

«Почему ты занимаешься этим снова и снова?»

«Это как наркотик, а кроме того я должен совершенствоваться то, что я делаю. Есть цели, которых я должен достичь».

«Если остановиться сейчас, ты бы доказал себе что-нибудь?»

«Себе? Да. Но еще столько всего...»

«Есть ли кто-нибудь, кто не верит тебе? Кто сомневается в твоей храбрости?»

«Хммм. Некоторые люди, которые влияют на мою жизнь».

«Например?»

«Мой отец».

«Твой отец сомневается в твоей храбрости?»

«В моей храбрости? О нет, нет. Возможно я не о том думал... А, собственно, что за вопрос?»

«Кто, так или иначе, сомневается в тебе?»

«А, хорошо. Это слишком сложно описать, хотя это очень просто... Меня это не волнует. Я не знаю... Кто? Не знаю. Это мои проблемы? Нет. Это не имеет никакого отношения к ним. Это все здесь». Кончиками пальцев он касается своей головы.

Часть третья

Посвящена восхождению Эндрю Тодхантера с Уэйном Гринвеллом (*Wayne Greenwell*) на г. Шаста* (*Shasta*, 4322 м), Калифорния. Гора считается у индейцев священным местом.

А также рождению дочери Джулии. Роды проходили весьма сложно и вызвали сильнейший страх у автора.

г. Шаста, Калифорния

* Происхождение названия точно не установлено. По одной версии, «шаста» - это слово «счастье», заимствованное индейцами от первых русских поселенцев Калифорнии.

Часть четвертая

В течение двух месяцев, начиная с Рождества и до середины февраля, я пытаюсь связаться с Дано, и попадаю или на автоответчик или на Никки. «Его постоянно нет, - объясняет она с раздражением, - я его почти не вижу». Я выбрал тактику звонить два раза в день - утром и вечером – она приносит плоды. Дано как всегда весел и доброжелателен. Мы договариваемся о встрече. Последние месяцы он работал директором по безопасности на крупном строительном объекте в Саут-Лейк-Тахо.

Через три часа я на месте. «Посольство отдыха», гласит табличка. «Исключительная собственность отпуска». Дано нигде не видно. «Он уехал примерно в одиннадцать, - говорит диспетчер, - я думаю где-то лазает». Я связываюсь с Никки. Он ничего ей не говорил, и она понятия не имеет где он находится.

Разработанное в стиле старого альпийского отеля, здание имеет восемь этажей. Грег Боулер (*Greg Bowler*), менеджер компании по строительству кровли, наблюдает с земли. Он нанял Дано на должность директора по безопасности в связи с его богатым опытом работы со снаряжением. Проект обеспечения безопасности, разработанный Дано, обошелся компания более чем в 40000 \$ только на оборудование. «Это самый дорогой проект в Тахо», - говорит Грег.

Я спускаюсь в кафе. Сейчас тут проходят национальные соревнования по сноуборду, и популярное у райдеров кафе забито под завязку. Никто не видел Дано, но вечером Эми (сестра Никки) устраивает вечеринку по случаю дня рождения одного из сотрудников – Дано вроде тоже должен появиться. Эми отправляет меня к Джеффу, который учится на плотника в Мейерсе. Джефф, подозревает, что Дано пошел позаниматься ледолазанием с Джейсоном Кукники (*Jason Kuchnicki*). А если так, говорит он, то обычно они лазают с фонарями допоздна, и вряд ли вернутся раньше полуночи.

Еду домой к Дано - пусто. Я сижу в своей машине и размышляю. Возможно, я предполагаю, Дано сознательно проигнорировал нашу встречу. Но я знаю его немного - или думаю, что знаю - и правда, как мне кажется, гораздо банальнее. Думаю, что он просто забыл про меня. Я решаю подождать его, и бесцельно возвращаюсь назад в Саут-Лейк-Тахо. Если завтра утром я его не найду - уезжаю. Возвращаюсь в кафе, вечеринка идет полным ходом.

В одиннадцать часов появляются Дано с Джейсоном. Большинство гостей плотно употребляет уже больше часа – атмосфера приближается к шуму. На фоне желтой куртки, его лицо очень загорелое, Дано подходит ко мне, пожимает руку и приносит извинения. Он собирался встретиться со мной, когда выезжал утром на работу, но напрочь забыл, когда появилось предложение полазать. Однажды он сказал мне, что в детстве он заработал прозвище «Дэнни-я-забыл». Его друзья говорят, что надо с пониманием относиться к подобным вещам - внутренние часы Дано абсолютно непредсказуемы. В любом случае, его сожаление настолько искреннее, что я больше сочувствую ему, чем переживаю из-за личных амбиций.

Поведение Джеффа движется в животном направлении, и он начинает приставать к соседкам Эми по комнате. После нескольких предупреждений, по просьбе Эми, Дано вытаскивает его наружу и ведет домой. Толпа постепенно рассеивается, и я тоже сворачиваюсь в два ночи. Переезжаю на жилую улицу и паркуюсь под деревом. Для таких случаев я установил самодельную раскладушку в автомобиле. Дано, как всегда, предложил мне свою кровать, но я не хочу злоупотреблять его гостеприимством. Я мог бы поселиться в

гостинице, но меня это не волнует - в некоторой степени, я люблю спать в машине. Каждый автомобиль, через некоторое время, становится почти живым, и мы чувствуем почти духовную связь, находясь в одиночестве на бескрайних дорогах в ранние утренние часы.

* * *

Внезапно я просыпаюсь навстречу дневному свету и тихим голосам. Открываю глаза и встречаю пристальный взгляд маленького мальчика, сидящего на велосипеде. Он вскакивает. Позади него другой мальчик всматривается через плечо. Хихикая, они мгновенно уезжают, и крутят педали так, как будто за ними кто-то гонится. Вскоре мы с Дано собираемся у Джеффа. Он хочет полазать по льду, но Джефф, с пепельным лицом, не в духе. «Я себя неважно чувствую», - говорит он. Джейсон тоже не в состоянии. После обеда мы сами выдвигаемся к Изумрудному заливу. Автостоянка покрыта снегом, и Дано паркуется вдоль дороги, недалеко от мраморной стены Мэйхем (*Mayhem*). Мы собираемся и шагаем на юг вдоль дороги, на обочине лежит полутораметровый слой снега. Через 200 метров Дано оглядывается в обоих направлениях - из-за лавинной опасности лазать здесь запрещено - и сворачивает с дороги в гору. Он следует протоптанной в снегу тропой, наверх по крутому склону.

Через пять минут, сквозь деревья и снег проступает гранитная стена цвета соли-и-перца. Высокая 20-метровая колонна синего льда цепляется за вертикальную плоскость. Известная как *Труба инерции** (*Inertia Tube*), колонна является самым близким приличным местом для ледолазания на Саут-Лейк-Тахо. Слева от колонны скала немного нависает. Справа, стена покрыта кристаллическим трехсантиметровым слоем льда. *Труба инерции* зарождается каждый год высоко в горах в процессе таяния снега. Два дня назад, в трех метрах от края утеса, Дано построил в ручье каменную дамбу. С помощью полиэтилена и резинового шланга, он направил часть потока на скалу рядом. Получился новый ледопад высотой 20 и шириной 5 метров. С родительской заботой Дано осматривает нарастающий лед - все еще слишком тонкий, чтобы лазать. В основании лед цепляется за камень, образуя решетку прозрачного, стеклянного мрамора. Дано проверяет лед легким постукиванием. «Завтра», - говорит он.

В кошках и каске, упакованный в теплую куртку Дано, я буду страховать из-за выступа слева - относительно безопасной позиции. Если большой кусок льда полетит вниз, я смогу отпрыгнуть с его дороги. Куртка называется не иначе, как спальным мешком – рукава в диаметре с волейбольный мяч - все страхующие носят ее с благодарностью. Поскольку ледолазание хорошо вечером, когда снижается температура, а страхующий практически неподвижен в течении полчаса и более - такая теплоизоляции весьма кстати.

* http://www.aboutmyadventure.com/directories/misc/inertia_tube.htm

Труба инерции, Тахо

* * *

В пять тридцать Дано забивает первый инструмент с продуманной осторожностью. С веревкой он лезет соло по трехметровой выпуклости в основании колонны. Обогнув ее, он делает паузу, чтобы потянуться. Вытягивая ногу одну за другой, он касается коленом своей каски. Когда он наконец продолжает, темп стал заметно более ритмичен, чем это было в Кирквуде (*Kirkwood*) два года назад. Там, лазая соло по более коротким ледопадам, Дано двигался с большей легкостью. Здесь маршрут более протяженный и трудный, к тому же сумерки, энергию надо беречь. Он стал старше, опытнее, его стиль теперь ближе к Джею Смигу.

Спустя сорок пять минут после начала маршрута, Дано пролез три четверти пути. Остается так мало естественного света, что его яркая одежда тускло светится серым цветом. Пока я наблюдаю, Дано включает фонарь. Конус света освещает лед, а затем, он смотрит вниз – свет струится вниз между ботинками и зажигает капельки влаги. Внезапное появление фантастического искусственного освещения подчеркивает безлунную темноту. Вокруг узкого

пучка света - лед, скалы и деревья - теперь какие-то аморфные области, формы и тени. Холодает. Дано достигает вершины в пол седьмого и свет исчезает. Организовав страховку, Дано спускается вниз, собирая по дороге буры. Двадцатиметровая колонна горит синем мраморным пламенем, подрагивая в лучах света.

Дано предлагает мне свои инструменты и кошки в обмен на куртку. Он быстро одевается, пока не замерз. С верхней страховкой я попробую стандартный маршрут по правому флангу *Трубы*, по словам Дано он несложный. Через полчаса я хватаюсь за куст на краю скалы, и выползаю на плоскость. Встаю с большим чувством удовлетворения. Не имея большого желания внизу, я и не ожидал закончить подъем. Теперь – собранный и спокойный – я могу с удовольствием лазать ночью. Я отступаю от края, развязываю веревку, и кричу Дано: «Без страховки».

В пяти метрах от края, к моему удивлению, база закреплена на стволе дерева 15 сантиметров в диаметре, с единственным карабином на петле. Воплощение минимализма - и мой энтузиазм мгновенно улетучивается. Если бы я знал об этом, то ни за что бы сюда не полез. Учитывая его страсть к прыжкам, Дано знает реальные возможности веревок и снаряжения так же, или даже лучше, чем любой другой скалолаз. Он абсолютно уверен в своих знаниях, ведь на кону находится его жизнь, и жизни других людей. Но меня учили по-другому. Для обеспечения страховки на основной веревке, большинство альпинистов придерживается правила: минимум три или четыре абсолютно надежных точек закрепления.

После снятия базы и осмотра дамбы, я возвращаюсь по протоптанным в снегу следам. Дано жмет мне руку. Поскольку мы собираемся возвращаться, я спрашиваю о надежности базы. Дано отвечает, что ранее опытный альпинист задал ему такой же вопрос, и что его ответ не изменился: учитывая сильное трение на перегибе, и расстояния от дерева до края, стоя около дерева можно удержать падение одной рукой. Поэтому единственного карабина и петли более чем достаточно. Возможно, признаю я, но что насчет возможности перекручивания веревки и выщелкивания из карабина - обычно это решается с помощью двух карабинов, размещенным муфтами в противоположных направлениях (альтернатива – карабин с блокируемой муфтой, которую можно открутить только вручную). Дано говорит, что достаточное расстояние от края до базы предотвращает веревку от скручивания. Если бы база располагалась ближе к краю, где движения веревки менее предсказуемы, он бы, конечно, использовал карабин с блокируемой муфтой. В любом случае, Дано соглашается ставить дополнительный карабин для меня на будущих маршрутах.

К семи часам следующего утра, выпал прекрасный снег. Три сантиметра сухого как вулканический пепел снега, покрывает землю. Я собираюсь к Дано, как договаривались. Сегодня утром Никки теряет управление машиной, соскальзывает с дороги и летит боком в двухметровый кювет. Проносится мимо телефонного столба и врежется в стальной забор. Сразу после остановки, немного напуганная, она звонит Дано по сотовому. «Авария... Никки», - бросает он на ходу, и бежит к машине. Я следую за ним и скоро вижу сцену. Никки испугана, но невредима. Автомобиль разбит полностью. Учитывая условия, интенсивное движение, столбы и состояние ее автомобиля после аварии, просто удивительно, что она не пострадала. Буквально за несколько мгновений до аварии она пристегнула ремень безопасности.

После инцидента, день тянется для Дано медленно - по большей части он провел его возле дивана с Джеффом. Вновь появляется солнце, снег тает на дороге. Вечером Дано,

Джефф и я присоединяемся к собранию человек двадцать альпинистов Тахо в местном спортзале, чтобы обсудить недавнее закрытие Пещерной скалы. Несмотря на позицию местных скалолазов и Фонда доступа (национальной некоммерческой организации, которая занимается доступом альпинистов к районам восхождений), американская Лесная служба временно закрыла доступ по требованию местного индийского племени Вашо (*Washo*). Шаманы племени все еще считают скалу священной и решили - после десятилетий забвения - исправить эту ситуацию. Присутствие скалолазов со снаряжением, говорят они, является богохульством. Ходят слухи, что в обмен на скалу Лесная служба может получить хороший участок земли Вашо в другом месте.

Альпинисты, понятное дело, недовольны. Один только Дано вложил сюда годы работы - это галерея его самых прекрасных произведений. Это также единственное место в Тахо, где можно лазать круглый год. В значительной степени благодаря качественным маршрутам Дано - это достояние скалолазов мира. В настоящий момент скала закрыта до конца года. Любому, кого поймают на стене, грозит штраф в размере 5000 \$. В худшем случае Лесной службой будут вытащены все шлямбура, и скалу навсегда закроют для лазания.

С помощью Фонда доступа скалолазы соглашаются поддержать давление на Лесную службу. Эмоции накаляются. Некоторые сомневаются относительно мотивов Вашо и обвиняют Лесную службу в коррупции. Дано, который из этой компании теряет больше всех, остается спокойным. «У Вашо было их время, - говорит он, - теперь настало наш черед. Когда мы начинали здесь лазать, пещера была просто свалкой мусора. Где тогда были Вашо? Мы привели все в порядок и относимся к скале с уважением. Вашо говорят, что это место священо для них. Но сегодня и для нас тоже. Любой скалолаз может понять это». Он намерен встретиться непосредственно с Вашо. «У меня хорошее предчувствие, - говорит он. - Как только они поймут, как мы относимся к скале, я думаю, мы придем к решению».

После встречи к нам присоединяется Фрэнк Гэмбэли (*Frank Gambalie*), видный бейс-джампер *Bay Area*. Фрэнку двадцать шесть лет, он совершил почти пятьсот прыжков в шести странах, включая двухкилометровый, 26-секундный прыжок со скалы *Trollveggen* в Норвегии - мировой рекорд. У Дано есть много записей с его прыжками, включая смешной эпизод, когда он пролетает 180 метров с небоскреба во Франкфурте, Германия. Приземляется на маленький газон, и не теряя времени, запрыгивает на заднее сиденье автомобиля с друзьями на борту. Автомобиль срывается с места, и ему приходится на ходу собирать развивающиеся белые волны парашюта, как свадебное платье. Репутация Фрэнка в кругу экстремалов такая же, или даже выше, чем Дано. Он выражает свое восхищение бейс-джамперами.

Позже Фрэнк говорит мне, что Дано - прирожденный бейсер. «Я не встречал никого с таким талантом и энтузиазмом, - говорит он. - Он бейсер, и даже не знает этого». Дано собирается поучиться у Фрэнка и уже думал о бейс-прыжках с мостов. Вид приближающейся земли, которая мчится на вас, гораздо круче при прыжках с веревкой, говорит Фрэнк. На веревке можно проехать намного ближе к земле, чем при прыжках с парашютом или на банджи, где трос долго растягивается перед остановкой.

Гэмбэли начинал прыгать на банджи. «С дополнительным тросом, - рассказывает он, - мы прыгали в небольшие бассейны между валунами в русле реки. Бассейны находились не совсем по курсу, и мы должны были лететь к ним, управляя свободным падением. Такие ямы были невелики, и если ты промахнулся... «Плыви или умри», - говорили мы. Фрэнк улыбается. Народ слушает раскрыв рты, даже Дано смотрит на него с сомнением. Фрэнк

продолжает описывать вариант, который называется «прыжок с мешком песка» - один джампер прыгает с другим, цепляющимся за него. «Мешок с песком» никак не прикреплен к тросу, и должен отцепиться в самой низкой точке траектории. Это позволяет джамперу на тросе взлететь вверх выше стартовой позиции. Неудивительно, что уже несколько человек погибли. «Все мы придерживаемся мысли: не сожалейте обо мне, если я умру, занимаясь любимым делом. Это всегда огромная потеря», - говорит Фрэнк. Несмотря на небольшую популярность бейс-прыжков – примерно 200 серьезных экстремалов, во всем мире погибло около 40 бейсеров, начиная с появления спорта в 1970. «Если вам не нравятся похороны, - заканчивает Фрэнк фразой, часто применяемой к полицейским, пожарникам и другим опасным для жизни специальностям, - вы выбрали не ту профессию».

Я встречаю Дано следующим утром на стройплощадке. Он планирует поездку на *Трубу инерции* и приглашает Джейсона присоединиться к нам после неполного рабочего дня. Тот сначала возражает, а затем соглашается присоединиться к нам в полдень. Дано проверил систему безопасности и свободен как ветер. Выходим из лифта на первом этаже, проходящий по коридору рабочий, кричит: «Эй, Дано, я видел тебя по ТВ». Дано робко махает в ответ. Не менее четырех клипов с восхождениями или прыжками Дано сейчас крутят на различных каналах. К сожалению, продюсеры редко ставят его об этом в известность. Вместо этого он обычно узнает о «премьерах» от друзей или незнакомцев. «Ни разу еще мне не позвонили и не сказали: «Дано, ты будешь в эфире на таком-то канале, в такое-то время, заезжай за гонораром», - говорит он. - Я всегда должен их разыскивать».

Мы двигаемся в кафе, пока ждем Джейсона. Женщина средних лет приближается к нашему столу. «Извините меня, - спрашивает она, - это я вас видела по телевидению?» Дано улыбается, пожимая плечами: «Возможно». «Да, это точно вы, - говорит она. - Я сказала своему мужу, что это были вы». Она жестикулирует человеку за дальним столиком – он махает в ответ. Пара приехала в город, чтобы покататься на лыжах, и посетить свадьбу дочери, в той же самой часовне, в которой они сами поженились. Вчера вечером в гостиничном номере, объясняет она, они наткнулись на программу, где Дано прыгает и лазает соло. «Мы были просто потрясены, - говорит она. - Я никогда не думала, что такое вообще возможно».

«Это просто дело, которым я занимаюсь, - говорит Дано. - Если бы я занимался вашей работой, я уверен, что чувствовал бы тоже самое».

«Вам страшно совершать все эти вещи?» - спрашивает она. «Да, - говорит он. – Каждый раз».

Мы выезжаем от Дано с Джейсоном и его собакой Сани, помесью овчарки с койотом. Останавливаемся у обочины и поднимаемся пешком к скале. Новый ледопад Дано весьма тонкий, но лазать можно. Получилось три новых маршрута. Дано ползет по самому длинному слева, Джейсон на страховке. Он поднимается на 10 метров прежде, чем установить первый бур. Внизу, игнорируя команды Джейсона, Сани пытается схватить куски падающего льда. Начинает идти снег. Лед тонкий, и Дано лезет с еще большей осторожностью, чем на *Трубе*. Он достигает вершины, ставит базу и спускается вниз. Приходит очередь Джейсона, я страхую. Затем лезу и я, но не осилив последние метры, повисаю на веревке.

* * *

Сверкающая в лучах света, колонна синего льда возвышается на 20 метров на заднем дворе Дано. Расположенная между двумя соснами искусственная гора, с оранжевой сеткой внутри, намыта водой, подаваемой по обогреваемому шлангу. Вода стабильно сочится через самодельное устройство. Из строительного мусора он за два дня в декабре соорудил конструкцию. Защищенному от дневного солнца брезентом, натянутым между деревьями как парус, растущему по ночам конусу понадобилось более двух месяцев, чтобы достичь своего размера. Диаметр в основании 2-2,5 метра, верхняя треть немного отклонилась от вертикали. Несколько недель назад колонна сломалась, когда Дано приблизился к базе, закрепленной на вершинах деревьев. Верхняя треть колонны сместилась и немного опустилась, погнув стальные элементы каркаса. Застывший в новом положении лед в верхней части подъема теперь обманчиво представляет выступ. Адвокат сказал Дано, что его ледодром можно квалифицировать как «привлекающий источник опасности» в юридическом смысле. Как неогороженный бассейн, он может привлечь соседских детей в отсутствие альпиниста.

После полуночи Дано все еще лазает. Позади дома стоит автомобиль, из открытой двери доносится Metallica. Температура -5° . Никки и Корал спят. По приглашению Дано к нам присоединился шестнадцатилетний Дастин Сэбо (*Dustin Sabo*), многообещающий молодой скалолаз из колледжа Лейк-Тахо. Со страхующим Джейсоном, Дано лезет по южной стороне колонны. Затем поднимается Джейсон, на этот раз с нижней страховкой - он пропускает оба бура Дано и устанавливает свои между ними.

В доме я обнаруживаю тонкую удочку на подоконнике. В окружении альпинистского снаряжения, она выглядит щуплой и странной. Я пытаюсь вообразить Дано, сидящим спокойно на причале и ловящим рыбу. Картина абсурдная и какая-то тревожная. В моем мире, я понимаю, ему не разрешается сидеть на пирсе и удить. Независимо от того, что позволяю себе, я обрекаю его оставаться Дэном Османом для моей мифологии. Я знаю о его недостатках, но он остается для меня героем. Не просто из-за его знаний и смелости, а за его скромность, его искреннюю доброту. И хотя я переживаю за него, я знаю, что если он перестанет прыгать - или еще хуже, перестанет лазать - какая-то часть меня будет чувствовать себя преданной, как будто, с изменением Дано разрушится естественный баланс природы.

Послесловие

В сумерках, 23 ноября 1998, Дэн Осман разбился при прыжке со скалы Покосившаяся башня (*Leaning Tower*) в Йосемитском национальном парке. Прыгнув на мировой рекорд - приблизительно 335 метров - веревка оборвалась шестидестью метрами выше Дано. Он, должно быть, осознал на мгновение, что произошло. Ему было тридцать пять.

Дано с друзьями установили оборудование несколько недель назад, и совершили много прыжков прежде, чем его арестовали за приостановленную водительскую лицензию и прочие нарушения. В тот день Дано вернулся с другом, чтобы собрать снаряжение. Оборудование подвергалось воздействию начала зимы больше месяца - снег, дожди, холодные ночи и теплые дни с резким колебанием температуры. Веревки были почти наверняка полностью мокрыми - изготовители оценивают снижение прочности влажной веревки на 40 процентов. По всей вероятности, обрыв произошел в месте, где раньше находился узел*. Волокна нейлона в этой области, уже изрядно растянутые серией прыжков, были затем ослаблены расширением и сжатием, вызванными изменениями влажности и температуры. Дано обладал удивительной верой в снаряжение. Он был уверен в одном – о чем написал в личном письме за несколько дней до несчастного случая - веревка никогда не оборвется если должным образом нагружается. Спекуляции на тему некой суицидальной направленности его прыжков абсолютно необоснованны. Есть явный признак того, что Дано собирался сбавить темп, по крайней мере временно, и проводить больше времени со своей дочерью. За неделю до смерти он сделал Никки предложение.

Последний раз я видел его выходящим из спортзала в Сан-Франциско, за три месяца до несчастного случая. Он собирался в Йосемити, его красный автомобиль был загружен снаряжением под завязку, великая идея прокручивалась в его голове. Он был в прекрасном расположении духа, светился энергией и выглядел моложе, чем когда я встретил его три с половиной года назад. Он просто стоял там, на тротуаре, но что-то в воздухе витало вокруг него, своего рода мерцание. Впервые я заметил это, когда он лез соло *Заслужи свои крылья*. Друзья и близкие тоже замечали этот эффект. Его отец подозревал, что это была необычная концентрация *ци*, жизненной силы.

Я надеюсь, что в течение тех мгновений, которых он падал, Дано не испытывал страха. Он заслужил это, как никто другой. Заключительный момент самообладания - не покорность, а смирение и приветствие - взмаху меча, от которого он не мог уклониться.

* По неофициальной версии эксперта Black Diamond Криса Хармстона (*Chris Harmston*), обрыв произошел в результате трения различных частей веревки друг о друга

http://groups.google.com/group/rec.climbing/browse_thread/thread/816f763ab36ceffa/dddc7e3db5defbb5

Содержательная статья о Дэне Османе (в том числе и о последнем прыжке)

<http://www.extremal.ru/air/1145701956/articles/1145702366.htm>

Скала Покосившаяся башня, Йосемити

Перевод выполнен специально для Д.